

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

13 октября

Ты снишься мне.

Почти каждую ночь с тех пор, как это началось.

Что бы ты подумала, если бы узнала?

О том, что я делаю.

Вероятно, ты подумала бы обо мне плохо.

Ты умоляла бы меня остановиться.

Ты была лучше меня.

Но прошлой ночью ты просила спасти тебя.

Спаси вас обоих.

У меня не получилось.

Даже во сне.

Поэтому я делаю то, что в моих силах.

Я собираюсь сделать это снова.

Вечером.

Номер пять.

Клара Вальгрэн

*

Начало октября ознаменовалось приходом зимы.

Это был особенный год, запоминающийся. Весна не желала наступать всерьез до самого конца мая. Снег ложился и на белые шапочки студентов во время традиционного многолюдного празднества на Вальпургиеву ночь^{*}, и на редких участников первомайского шествия

^{*} Ночь с 30 апреля на 1 мая, отмечается во многих странах Западной Европы как праздник весны.

днем позже. Лето заставило ждать себя до конца июня, лишь через неделю после праздника Мидсоммар* температура впервые преодолела двадцатиградусную отметку. С другой стороны, тепло продержалось аж до середины сентября.

Потом как будто бы не было никакой осени.

Восьмого октября пришла зима. Толстый белый слой инея предстал на обозрение жителей Уппсалы, когда они поутру стали выглядывать в окна. Неполные четыре месяца без снега прибавили аргументов климатическим диссидентам.

— Сдается мне, на Земле не становится жарче.

«Твоего мнения никто не спрашивал», — хотелось Кларе ответить всякий раз, как она слышала эту фразу, и наблюдала самодовольную гримаску, которая, как правило, появлялась на лице оратора.

Изменения климата происходили на самом деле. Три года изучения экологии в Лунде и магистерский экзамен по специальности «Устойчивое развитие» дома в Уппсале вселили в Клару уверенность в этом. Годы исследований по всему миру привели к четким выводам, вне зависимости от того, как это все выглядело при взгляде из кухонного окна октябрьским утром.

«Было, однако, довольно прохладно», — признала Клара, на ходу застегивая чересчур легкое пальто, когда в начале десятого выходила из здания, в котором проходили курсы. Она, по своему обыкновению, дождалась ухода последнего из слушателей, привела все в порядок и только потом ушла сама.

Обивка и ремонт мебели.

С 18.30 до 20.30, с 15 сентября.

Девять тематических занятий.

* День летнего солнцестояния.

Сегодня они встречались в пятый раз. Клара радовалась успехам учеников. Ей нравилось вести эти курсы.

Вот уже четвертый год подряд.

Она на всякий случай еще раз проверила, заперта ли дверь, прежде чем быстым шагом направиться вниз по улице Огатам. Услышав звонок мобильного, она взяла трубку и ответила с удивленной улыбкой:

— Привет, гномик, не спишь?

— Когда ты будешь дома? — раздался усталый голосок Виктора. Она представила себе, как он сидит на диване в своей пижаме с Человеком-пауком, зубы вычищены, волосы взлохмачены, глаза слипаются.

— Я уже иду к машине, так что через пятнадцать — двадцать минут. Что-то случилось?

— Рана.

На прошлой неделе сын принимал участие в школьных соревнованиях по ориентированию, еще до снега. В лесу набрел на какой-то ржавый металллом и пропорол себе икру. В итоге пять швов. Повязку нужно менять каждый вечер.

— А папа не может тебе помочь?

— Лучше ты.

Клара вздохнула про себя. Всегда приятно быть нужной и важной, но... Они с Заком разделили декретный отпуск, и все время, пока сын подрастал, Зак был более или менее рядом, однако когда дело касалось... чего-то насущного, Виктор предпочитал обращаться к маме. Она замечала, что Зака коробит это вечное пребывание на вторых ролях.

— Но я же сейчас не дома, а тебе пора спать, — сделала она робкую попытку, сворачивая на Онгкварнгатан.

— А как же рана?

— Пусть папа ее обработает, а потом ложись. Если ты еще не будешь спать, а с раной что-то окажется не так, я ею займусь, когда приду.

Предложение было встречено молчанием, как будто восьмилетний ребенок пытался вычислить, не обманули ли его каким-то образом.

— Так и поступим? — поинтересовалась Клара.

— Ладно...

— Отлично! Целую тебя. До встречи утром!

Она нажала на сброс и вернула телефон в карман. Руку из кармана не вынула. Было на самом деле холодно.

Правильно ли она поступила?

Если Виктор не будет спать, когда она вернется, и она сменит ему повязку, не будет ли это означать, что она считает Зака неспособным выполнить эту задачу так же хорошо, как она? Не нужно ли было настоять на своем? Сказать, что повязку сменит папа, а потом Виктор должен идти спать? Точка.

Не давать права выбора. Отказаться менять повязку. Определенно.

В лучшем случае Виктор уже будет спать, когда она придет домой, и проблема решится сама собой, — рассуждала Клара, приближаясь к стоянке.

На квадратной шестиместной парковке два места были зарезервированы за Ассоциацией Содействия Обучению. К этому времени единственным оставшимся на парковке автомобилем был принадлежавший Кларе голубой Поло в дальнем углу.

Клара остановилась.

Было темно.

Темнее обычного.

Здания вокруг парковки стояли сплошь офисные, либо принадлежали различным организациям, поэтому в такой час в окнах было уже темно. Ничего необычного, но сейчас, к тому же, оказались выключены оба наружных светильника на фасаде. Клара не знала, где искать тумблер, но подумала, что кто-то, должно быть, выключил их по ошибке.

То, что это не ошибка, стало ясно Кларе уже на полпути к авто, когда глаза немного привыкли к темноте. На асфальте возле парковочного барьера, ближайшего к ее Поло, валялись осколки стекла.

Светильники кто-то разбил.

Или они сами упали и разбились об асфальт? Нет, разбиты обе лампы, значит, кто-то позаботился об этом специально. Несмотря на то, что Клара все еще мысленно причисляла себя к молодежи, у нее промелькнула мысль, что виной всему подростки. Может быть, это был самый приемлемый вывод. Что вандализм и прочее выходящее за пределы нормы поведение должно свидетельствовать об определенной ограниченности. Повсеместно происходящие в обществе процессы все яснее указывали на этот факт.

Она потянула связку ключей из кармана. Поло дважды моргнул, и зеркала заднего вида с еле слышным гудением развернулись. Она уже было дотронулась до заледеневшей на морозе ручки, как вдруг, повинувшись внезапно пробежавшей по телу дрожи, замерла.

Тихие шаги за спиной.

Она не одна.

Черная тень мелькнула в боковом стекле. Чье-то отражение.

Большое. Искаженное. Близкое.

Не тратя времени на раздумья, она резко отступила в сторону и одновременно развернулась. Темный силуэт оказался не за спиной у Клары, а прямо рядом с ней, возле машины. Она успела разглядеть черный капюшон, прикрывающий лицо, прежде чем ее оглушил звук, громкий и пронзительный.

Как вой сирены.

Лишь мгновение спустя Клара поняла, что это ее собственный крик.

Силуэт инстинктивно отпрянул, но эта секундная передышка придала Кларе сил. Она не станет спасаться бегством. Она будет защищать себя. Любой ценой.

Из подсознания всплыл усвоенный когда-то совет. Оказать злоумышленнику решительное сопротивление путем внезапной атаки. Так она и поступила. Била и лягалась. Колотила руками и ногами тело нападавшего. Изо всех сил. Снова и снова. Слепо и яростно. Все еще продолжая кричать.

Клара не знала, сколько прошло времени, вероятно, несколько секунд, хоть ей и казалось, что гораздо больше, когда нападавший внезапно попятился назад, а затем и вовсе бросился бежать прочь, налево по улице Онгкварнсгатан.

Клара осталась на месте. Она хрипло, натужно дышала. Успела подумать, что от крика у нее в шее, должно быть, что-то лопнуло. Затем силы покинули ее, и она осела на землю, не ощущая ни холода, ни влаги, немедленно пропитавшей ее брюки. Хриплое дыхание постепенно превратилось в тихое поскуливание. Она смотрела перед собой пустым взглядом. В поле ее зрения оказался небольшой продолговатый предмет, лежавший на асфальте прямо возле машины.

Шприц с жидкостью внутри.

Ее собирались усыпить.

Усыпить и изнасиловать.

Совсем как Иду.

*

Скучала ли она по Госкомиссии?

Ванья осознала, что задается этим вопросом достаточно часто. Вот и сейчас она вновь задумалась, заваривая чай в кухне небольшой двушки на Норбювэген, которую один из Уппсальских коллег сдал ей в субаренду. Пока что на год — на время своей командировки

в Гаагу для работы в совместной с Евросоюзом миссии по борьбе с работорговлей. Пятьдесят два квадратных метра были обставлены таким образом, что Ванья навскидку не смогла бы ответить, выбрала бы она сама какие-то из этих предметов мебели, обихода или декора, кроме, вероятно, семидесятипятидюймовой плазмы, безраздельно властвовавшей на стене напротив продавленного черного кожаного дивана. Но коль скоро квартира сдается с меблировкой, тут ничего не попишешь. Год Ванья могла и потерпеть. А уж если останется здесь жить — тогда можно будет приобрести что-то другое. Свое.

«Скучаю ли я по Госкомиссии?» — раздумывала Ванья, вынимая чайный пакетик из кружки с картинкой по мотивам «Звездных войн», чтобы затем бросить его в сливное отверстие.

Не по отделу как таковому, и не по самой работе. То, чем она занималась в Уппсале, было на порядок менее интересно, однако скучала она именно по коллегам. Сейчас, пробыв вдали от них уже несколько месяцев, Ванья ясно видела, что для нее они стали больше друзьями, нежели товарищами по службе. Возможно, это были ее единственные друзья.

Ну, кроме Себастиана.

Но он другом не был.

Ванья распахнула дверцу холодильника, налила молока в кружку, и пошла с ней в маленькую гостиную, где ее ноутбук стоял раскрытым на дымчатом стекле икеевского журнального столика.

Она обещала Торкелю вернуться.

Когда немного со всем разберется.

Что бы это теперь ни означало.

Ванья до сих пор не общалась с Анной, по этому пункту изменений не было. Ее мать лгала ей всю жизнь, а когда правда наконец открылась, вновь преда-

ла Ванью, вступив в контакт с Себастианом за ее спиной. И даже хуже — она с ним спала.

Несколько раз Ванья звонила Вальдемару. То были краткие, обезличенные разговоры о переезде, новом городе и новых коллегах. Он не заезжал повидаться. Несмотря на то, что он оставил Анну ради восстановления отношений с дочерью, и даже несмотря на то, что всю Ваньину сознательную жизнь он был ее папой, ближе и дороже которого для Ваньи никого не было, им двоим так и не удалось вернуть отношения в прежнее русло.

Это причиняло ей боль.

Приводило в отчаяние.

Себастиан ухитрился уничтожить одну из немногих действительно имевших значение вещей в ее жизни. Возможно, они с Вальдемаром смогли бы сблизиться в своих новых ролях, однако продолжающееся расследование экономических преступлений вкупе с попыткой самоубийства, предпринятой Вальдемаром, стояли между ними непреодолимой стеной.

В ее жизни все смешалось. Разбираться со всем этим предстоит еще очень, очень долго.

Единственное, что было действительно хорошо — отношения Ваньи с Юнатаном. Даже лучше — отпуск, который начался в Копенгагене, и продолжился в пяти европейских странах, оправдал все надежды Ваньи. Юнатан поначалу подозревал, что Ванье просто нужен кто-то рядом, не обязательно именно он, однако короткое время спустя осознал, что его опасения беспочвенны. Когда лето кончилось, он уже говорил об их совместном будущем, как о чем-то само собой разумеющемся.

Ему не нравилась идея переезда Ваньи в Уппсалу, но она старалась бывать дома при первой возможности — сорок минут в пути, и она вновь в Стокгольме. Когда она бывала там, то жила у него. Свою квартиру на Сандхамнсгатан сдала в аренду.

Так что с Юнатаном все обстояло прекрасно, и Себастиана она не видела с тех пор, как он оставил ее в гараже под Вотерфронтom больше трех месяцев назад. Ей было известно о том, что Себастиан пострадал во время сумасшедшей гонки на автомобиле, начиненном взрывчаткой — несколько сломанных ребер и сломанная рука, по словам Урсулы. Больше она ничего не знала. Больше ничего и не желала знать.

Чем меньше места Себастиан Бергман занимает в ее жизни, тем лучше. Ванья была уверена, что данное утверждение справедливо вообще для всех.

Так что она прогнала мысли о Себастиане из головы, опустила на диван и, небольшими глотками прихлебывая горячее питье, вернулась к выписке из заявления Терезы Андерссон.

Завительница ушла с вичеринки на улице Мольнгатан, 23, примерно около полторово ноци 4-го октября намириваясь пишком пойти домой по месту жительства на Альмквистгатан, всево в паре келометров. По тропинке она пошла через площадь Лильефорш и двигаясь мимо школы Лильефорш услышала приближающиеся шаги, после чево некто схватил ее сзади, и она почувствовала укол в шею.

Ванья прекрасно сознавала, что вряд ли дождется такого времени, когда все полицейские отчеты будут составляться на эталонном шведском языке. Те отчеты, которые все же были составлены грамотно, оставались в абсолютном меньшинстве. Однако чтение именно этого экземпляра стало своего рода испытанием. Ванья бросила взгляд на подпись составителя. Стажер Оскар Аппельгрэн. Еще учится, однако из-за отсутствия шведского языка в программе Высшей школы полиции шанс на улучшение был минимальным. Она сделала глубокий вдох и вернулась к чтению.

После этого она ничего не помнит до того момента пока не очнулась лежащей на зимле среди кустов, неподалеку от тропинки. Юбка ее была как бы вздернута, калготки разорваны, а на голове заевительницы было что-то типа мешка. Заевительница поднялась на ноги и добралась до улицы Ваксалагатан где стала звать на помощь. На тот момент было около полтретьево ночи.

Полицию вызвали в больницу, и мидичинское осведетельствование выевило маточное кроватечение вследствие насильственново проникновения, а тагже следы спермы. Анализ крови выевил наличие остатков припарата «Флунитразепам» праизводства кампании «Майлан».

Ванья отложила в сторону эту вакханалию орфографических ошибок и просторечия, взяла кружку и откинулась на спинку дивана.

Нападение и изнасилование.

Их отдел занимается небольшим процентом изнасилований, сообщения о которых регистрируются в течение года. Чаще всего преступник и жертва знакомы друг с другом, и преступление совершается у кого-то из них дома. Такие дела получают широкую огласку в прессе, и по этой причине у общественности создается впечатление, что изнасилования происходят значительно чаще, чем на самом деле. Однако до сих пор о том, что произошло с Терезой, было написано крайне мало. Публикаций будет больше, если кто-то заинтересуется этим делом всерьез.

Тереза не была первой жертвой насильника.

Ванья вновь подалась вперед, поставила кружку на стол, и взяла в руки отчет из Национального центра судебной экспертизы.

Он оказался довольно скуп.

Отпечаток подошвы спортивных туфель марки «Ванс», модель UA-SK8-Ni MTE на земле под кустами, а также выделенная из семенной жидкости ДНК,

соответствий которой не обнаружено ни в одном регистре. Тем не менее данные полностью совпали с результатами экспертизы по другому изнасилованию, совершенному менее месяца назад.

Ида Риитала, тридцать четыре года.

Нападение на Старом кладбище было совершено 18 сентября.

Тот же город, тот же район.

Злоумышленник, подкравшийся сзади, сделал жертве инъекцию снотворного препарата, натянул на голову джутовый мешок и совершил преступное деяние, пока потерпевшая пребывала в бессознательном состоянии.

У Ваньи зазвонил мобильник. Она бросила взгляд на дисплей.

Ее новый шеф. Анне-Ли Юландер.

Скоро полдесятого. Значит, работы прибавилось. Ванья приняла звонок.

— Привет. Что случилось?

Ванье потребовалось меньше чем полминуты, чтобы захлопнуть ноутбук, встать, и выйти из квартиры. Если и оставались еще какие-то сомнения насчет серийного характера преступлений, то теперь они исчезли.

Появилась третья жертва.

*

Клара забилась в угол дивана. Она была одета в три слоя, с ног до головы закутана в плед и тем не менее никак не могла отогреться. Словно холод с темной парковки проник ей под кожу. Обеими руками вцепившись в кружку с чаем, Клара глядела на женщину с блокнотом в руках, которая сидела, немного подавшись вперед, на другом конце дивана.

Анне-Ли Юландер. Комиссар полиции.

Клара подумала, что она больше похожа на успешного адвоката из какого-нибудь американского сериа-